F 55/172

33
172

# МАРИНА МНИШЕКЪ.

*М. Хмыровъ.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1862.

95

Петру Карловичу Щебальскому
автор

# МАРИНА МНИШЕКЪ.

*М. Хмыровъ.*

САНКПЕТЕРБУРГЪ.
1862.

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Мая 1862 года.

*(Извлечено изъ Съвернаго Сіянія.)*

Въ типографіи **В. Спиридонова и К°.**

2007058729

# МАРИНА МНИШЕКЪ.

...Усмотрили есмя и улюбили себѣ... яспѣвельможную панну Марину сѣ Великихъ Кончицъ Мнишковну, воеводенку Сендомирскую, старостенку Львовскую, Самборскую, Меденицкую.. Слова грамоты Лжедимитрія I.

Съ утреннею зарею 2 мая 1606 года москвичи были уже на ногахъ, и первые лучи восходящаго солнца освѣтили несчетныя толпы народа, тѣснившагося по всему пространству отъ Флоровскихъ (Спасскихъ) воротъ въ Кремлѣ до Можайскаго въѣзда въ Москву. Въ то же время, по обѣимъ сторонамъ этого пути, окаймленнаго любопытными, устанавливались тысячи конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ, однообразно одѣтыхъ въ красные суконные кафтаны, съ бѣлыми перевязями и вооруженныхъ длинными ружьями съ красными ложами. Сгущаясь болѣе и болѣе, къ самому Можайскому въѣзду, толпы почтительно раздавались здѣсь передъ однимъ изъ распорядителей происходившихъ приготовленій, человѣкомъ коренастымъ, изъ себя смуглымъ, и замѣтнымъ по большой бородавкѣ на щекѣ, подъ

БИБЛІОТЕКА * М.П.М.

самымъ глазомъ. Этотъ человѣкъ, одѣтый очень просто, но постоянно окруженный десяткомъ всадниковъ въ богатомъ нарядѣ, суетливо разъѣзжалъ верхомъ, лично размѣщалъ 200 польскихъ гусаръ съ бѣлыми значками на красныхъ пикахъ и то и дѣло поглядывалъ на Можайскую дорогу, гдѣ, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ столицы, виднѣлись новыя толпы и красовалось надъ самою Москвою-рѣкою, что-то въ родѣ замка. По приведеніи всего въ надлежащій порядокъ, человѣкъ съ бородавкою глянулъ еще разъ на можайскую дорогу, и, повернувъ коня, поскакалъ къ Кремлю, сопровождаемый тѣми же всадниками и тѣмъ же очевидно всеобщимъ почтеніемъ.

Этотъ человѣкъ съ бородавкою былъ никто иной, какъ самъ царь московскій,—загадочный Разстрига, можетъ быть, дѣйствительно, Гришка Отрепьевъ, а можетъ быть вовсе не самозванецъ, вовсе не Лжедимитрій какъ называетъ его исторія. Благодаря столько же покровительству польскихъ іезуитовъ, сколько личной своей смѣлости и особенно бородавкѣ подъ глазомъ, поразительно напоминавшей царевича Дмитрія, младшаго изъ сыновей царя Ивана Грознаго, Разстрига необычайно счастливо умѣлъ расположить въ свою пользу массу русскаго народа, быстро прошелъ трудный путь отъ Польши до Москвы, сорвалъ вѣнецъ Мономаховъ съ головы

Годунова II — и дерзко сѣвъ на тронѣ русскихъ царей, нетерпѣливо ждалъ прибытія изъ Польши нареченной невѣсты своей, къ чему «нача уготовлятися со всякими поспѣхами, которые бы нѣчто являли, яко бы онъ выгралъ Россію» (1). Эта невѣста, ясневельможная панна Марина съ Великихъ Кончицъ Мнишковна, прелестная и знатная полька, съумѣвшая предпочесть множеству красивыхъ магнатовъ, искателей ея руки—ничтожнаго и невзрачнаго искателя русскаго престола, — невѣста, уже осыпанная дарами страстно влюбленнаго въ нее жениха и давно снѣдаемая жаждою честолюбія, была теперь у своей цѣли, стояла въ великолѣпныхъ шатрахъ надъ Москвою-рѣкою, казавшихся издали красивымъ замкомъ, — и жадно впивалась глазами въ стольную Москву, разстилавшуюся какъ на ладони у ногъ своей будущей повелительницы. Ее-то, счастливую Марину, готовился торжественно встрѣтить царь московскій, и вотъ почему устанавливались шпалерою конные и пѣшіе стрѣльцы, вотъ почему толпился за ними любопытный народъ. Наконецъ каждый занялъ указанное ему мѣсто, толпа, видиѣвшаяся на можайской дорогѣ, заколыхалась, и загудѣли всѣ московскіе колокола, грянули пушеч-

(1) См. Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи. Изд. въ 1799 г. Львовымъ. Ч. III, стр. 180.

ные выстрѣлы, загрохотали стрѣлецкіе барабаны; царская обрученница двинулась отъ становыхъ шатровъ къ Москвѣ.

Шествіе открывалось тремя стами гайдуковъ, которые играли на флейтахъ и били въ барабаны. За гайдуками ѣхало до 1000 человѣкъ думныхъ людей, бояръ и дворянъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами. За ними слѣдовалъ польскій конвой царя московскаго, игравшій на трубахъ и литаврахъ, далѣе — гусарскій конвой воеводы сендомирскаго, отца царской невѣсты; наконецъ родственники невѣсты, всѣ на турецкихъ коняхъ, сбруя которыхъ блистала серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Потомъ 12 великолѣпно одѣтыхъ конюховъ вели подъ уздцы 12 верховыхъ коней, только что подаренныхъ невѣстѣ женихомъ и убранныхъ въ богатые чепраки и сѣдла съ золотыми удилами и серебряными стременами, покрытыя дорогими попонами изъ барсовыхъ и рысьихъ мѣховъ. Непосредственно за тѣмъ 12 сѣрыхъ въ яблокахъ жеребцовъ везли другой подарокъ жениха невѣстѣ— огромную карету съ серебряными орлами царскаго герба, снаружи вызолоченную, а внутри обитую краснымъ бархатомъ и парчевыми подушками, унизанными жемчугомъ. Въ этой каретѣ, на особомъ стулѣ, устроенномъ въ видѣ трона, сидѣла сама Марина, имѣя передъ собою одну изъ своихъ дамъ, старостину

Сохачевскую. Подлѣ кареты ѣхалъ на превосходномъ аргамакѣ, отецъ Марины, воевода сендомирскій, одѣтый въ багряно-парчевой кафтанъ на собольемъ мѣху, и блиставшій шпорами и стременами изъ литаго золота съ бирюзовыми накладками; тутъ же шли по обѣимъ сторонамъ, въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ и алыхъ суконныхъ плащахъ 6 лакеевъ невѣсты, а нѣсколько поодаль— двѣ сотни царскихъ нѣмцевъ-алебардовщиковъ въ фіолетовыхъ кафтанахъ, различавшихся между собою красными или зелеными бархатными выпушками и камковыми рукавами тѣхъ же цвѣтовъ. Карету конвоировала сзади сотня царскихъ копьеносцевъ, одѣтыхъ въ бархатные каштановые плащи съ золотымъ позументомъ и вооруженныхъ бердышами съ золотымъ царскимъ гербомъ, древки которыхъ были обтянуты краснымъ бархатомъ, усѣяны серебряными гвоздиками, увиты серебряною проволокою, и украшены золотыми кистями. Въ тылу копьеносцевъ, 8 бѣлыхъ лошадей, окрашенныхъ отъ копытъ до половины тѣла красною краскою, везли путевую карету Марины, обитую снаружи зеленою, а внутри красною парчею, съ четырьмя стульями въ богатой золотой оправѣ; сбруя на лошадяхъ была красная бархатная, съ серебряными вызолоченными застежками, а на козлахъ сидѣлъ возница въ зеленой шелковой ферези. За путевымъ экипа-

жемъ Марины, теперь пустымъ, слѣдовала третья карета, запряженная 8-ю бѣлыми лошадьми и занятая гофмейстериною Марины, съ тремя другими дамами; потомъ ѣхало еще 13 парадныхъ каретъ и нѣсколько открытыхъ линеекъ, украшеныхъ затѣйливою рѣзьбою и обитыхъ то краснымъ, то чернымъ бархатомъ съ золотыми позументами. Въ тѣхъ и другихъ экипажахъ была размѣщена остальная свита невѣсты, и всѣ они, щеголяя роскошною упряжью въ шорахъ, управлялись возницами то въ алыхъ атласныхъ ферезяхъ, то въ черныхъ камчатныхъ жупанахъ. Поѣздъ заключался путевымъ конвоемъ Марины, — отрядомъ всадниковъ въ панцыряхъ и полномъ вооруженіи, съ хоромъ музыкантовъ на трубахъ и флейтахъ (2). Достигнувъ городской черты, шествіе пріостановилось: здѣсь, у въѣзда въ Москву, посадскіе люди, повинуясь предварительно изъявленной царской волѣ, поднесли гостьѣ привѣтственную хлѣбъ-соль, послѣ чего царская невѣста, съ тою же торжественностію продолжала слѣдовать къ Китай-городу. «А какъ панъ Юрій съ своею дочерью, съ панною Маринкою, въѣхали въ Китай-городъ въ никольскіе ворота, и Ростригѣ Гришкѣ быть радоста велія; велѣлъ въ тѣ поры

(2) См. Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, изд. Устряловымъ въ 1831 г. ч. I. стр. 66; 71. ч. II. стр. 44 и д. ч. IV, с. 28, 29, 124—126.

по накрамъ и по литаврамъ бити, и въ трубы трубити въ разныя, и въ сурны играти во многія. И ѣхалъ Сендомирской съ панною Маринкою площадью гораздо тихо, а въ тѣ поры, для прелести, игра была многая немѣрная до тѣхъ мѣстъ, какъ вошли въ Кремль городъ, а на Фроловскихъ воротѣхъ по тому жъ была игра въ музыки, поставлены были подъ накры и подъ сурначе многія трубы, отъ Никольскихъ воротъ ко Фроловскимъ воротамъ, подлѣ церквей. А у Сендомирскаго воеводы, у Юрья Мнишка, и у дочери его панны Маринки, въ полку Литовскіе люди, и Поляки и Лоторы, и иные многіе, тако жъ играли ѣдучи, били по накрамъ и по литаврамъ, и въ трубы, и въ свирѣли, и въ Венгерскіе дуды, и въ рожки, и въ иныя многія игры Литовскаго и Польскаго обычая играли» (3). На мосту у Спасскихъ воротъ— теперь не существующемъ—невѣстѣ громогласно отдали честь 50 барабанщиковъ и 50 трубачей, «которые — говоритъ очевидецъ Паерле—производили шумъ несносный, болѣе похожій на собачій лай, нежели на музыку, отъ того, что барабанили и трубили безъ всякаго такта, какъ кто умѣлъ» (4). И Марина, проѣхавъ

(3) См. Сказаніе и повѣсть о Растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ, и о похожденіи его, изд. Общ. Ист. и Древ. Рос. въ 1847 г. стр. 21.

(4) См. Сказ. соврем. о Дмитріи Самоз. ч. II. стр. 47.

шпалерою турковъ, арабовъ и персовъ съ одной стороны и двухъ жолнерскихъ полковъ—съ другой, остановилась у крыльца Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря, гдѣ принялъ ее изъ кареты самъ женихъ.

Тутъ же торжественно представленная царицѣ-инокинѣ Маѳѣ Ивановнѣ Нагой — которая, явясь по царскому приказу изъ Выксинской обители въ Москву, волею-неволею должна была разыгрывать роль дѣйствительной матери загадочнаго царя — Марина, за неокончаніемъ еще всѣхъ приготовленій къ сватьбѣ, оставалась въ Вознесенскомъ монастырѣ нѣсколько дней, и въ теченіи этихъ нѣсколькихъ дней, Вознесенская обитель вовсе не походила на жилище инокинь. Царь, ежедневно посѣщавшій тутъ свою невѣсту, приводилъ сюда съ собою музыкантовъ и скомороховъ, учреждалъ въ самыхъ кельяхъ названной матери пиры и пляски «и самъ при оныхъ утѣхахъ къ неудовольствію Россіи присутствовалъ» (5), между тѣмъ, какъ на монастырской кухнѣ готовились царскими поварами иноземцами вовсе не монастырскія снѣди, потому что Марина не могла взять въ ротъ ни одного изъ русскихъ кушаньевъ, преимущественно изобиловавшихъ лукомъ и чеснокомъ. 6 мая, невѣста,

(5) См. Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи Самозванцахъ, соч. кн. Щербатова. Изд. 1793 г. стр. 61.

уже стоившая государству милліонныхъ издержекъ, получила послѣдній даръ жениха, шкатулку съ узорочьями въ 50,000 р. 7 мая, вечеромъ, сѣла на великолѣпную колесницу и торжественно, при блескѣ факеловъ, переѣхала изъ Вознесенскаго монастыря въ царскій дворецъ; а 8 мая — стала женою Разстриги и, слѣдовательно, московскою царицею.

Ихъ свадьба, отпразднованная—въ противность обрядамъ православной церкви — наканунѣ пятницы и Николина дня, совершалась слѣдующимъ образомъ. Воевода Сендомирскій и княгиня Мстиславская ввели невѣсту первоначально въ столовую-избу, гдѣ надлежало произойти обрученіе. Марина явилась сюда въ аломъ бархатномъ сарафанѣ съ широкими рукавами, усыпанномъ алмазами, яхонтами и жемчугомъ; на ногахъ ея были сафьянные сапожки съ высокими каблуками, на головѣ сіялъ драгоцѣнный вѣнецъ. Въ такое же богатое русское платье одѣлся и женихъ. Протопопъ благовѣщенскаго собора, въ качествѣ царскаго духовника, читалъ молитвы, а кн. Дм. Пв. Шуйскій, двое Нагихъ и панъ Тарло, въ качествѣ царскихъ дружекъ, тутъ же рѣзали каравай, перепечи и сыры, и разносили присутствующимъ ширинки. Изъ столовой-избы всѣ перешли въ Грановитую Палату, гдѣ, ко всеобщему изумленію, увидѣли два престола одинъ для жениха, другой для невѣсты — и услышали слова кн.

Вас. Ив. Шуйскаго, велегласно приглашавшаго Марину «вступить на свой цесарскій *маестать* и властвовать вмѣстѣ съ государемъ». (6) Исполнивъ первую половину этого приглашенія, Марина поцѣловала держимый передъ нею вѣнецъ Мономаховъ — и затѣмъ началось торжественное шествіе въ Успенскій соборъ. Впереди, церемоніально, выступали царскіе тѣлохранители, стрѣльцы, стольники, стряпчіе, знатные ляхи и свадебные чины; за ними, окропляя святою водою путь, устланный камками и бархатами, шелъ благовѣщенскій протопопъ, и несли въ фонаряхъ пудовыя вѣнчальныя свѣчи; далѣе слѣдовали въ должности рынды кн. Трубецкой, два кн. Кольцовы-Масальскіе и кн. Мещерскій, всѣ въ бѣломъ платьѣ на соболяхъ, въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ, вооруженные серебряными топориками. За ними кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій несъ мечъ, кн. Вас. Голицынъ — скипетръ, а боярин и любимецъ царя, Басмановъ — державу. Далѣе шелъ женихъ объ руку съ невѣстою, которую поддерживала кн. Мстиславская — и шествіе заключалось гурьбою бояръ, думныхъ дворянъ и дьяковъ. По прибытіи въ соборъ, брачущался чета вступила на *чертожное* мѣсто и заняла отдѣльные престолы; Разстрига—золотой, а Марина—серебря-

(6) См. Исторія государства Россійскаго Карамзина, изд. V, ч. XI. стр. 158.

ный. Затѣмъ женихъ сказалъ рѣчь патріарху, сидѣвшему на третьемъ отдѣльномъ престолѣ, и патріархъ, громогласно отвѣтивъ царю новою рѣчью, —тутъ же возложилъ на невѣсту животворящій крестъ, бармы, діадиму и вѣнецъ Мономаховъ, для чего свахи Марины, Арина Нагая и панья Тарло, сняли съ нея головной дѣвичій уборъ. Послѣ этого лики возгласили многолѣтіе *благовѣрной цесаревѣ Маріи*, и началась литургія, во время которой патріархъ украсилъ новую *цесареву* цѣпью Мономаховой, а потомъ помазалъ и причастилъ. По окончаніи литургіи, изъ собора выслали всѣхъ, кромѣ знатнѣйшихъ, и благовѣщенской протопопъ обвѣнчалъ Разстригу съ Мариною. Слѣдовательно, православное миропомазаніе и коронованіе католички Марины обошлось безъ особыхъ затрудненій, которыхъ, однако же, могъ ожидать, и дѣйствительно ожидалъ Разстрига, что видно изъ словъ его, сказанныхъ послѣ сватьбы секретарю Бучинскому: «а больши де есмя всего боялся, что цесарева моя Римскія вѣры и нешто митрополи и архіепископы и епископы упрямятся, не благословятъ и миромъ не помажутъ, и во многолѣтьѣ не станутъ поминати, и какъ де есмя вшолъ вѣнчатися въ церковь и язъ де что хотѣлъ то дѣлалъ, все дѣлалося по моему хотѣнью и волѣ, и въ царьскихъ дверѣхъ миромъ помазывали и во многолѣтьѣ

пѣли во всѣхъ церквахъ благовѣрную цесаревну, а сами де они то знаютъ, что пося мѣста опричь Римской вѣры въ Греческой вѣрѣ Цесаря не бывало...» (7) Этого мало: Марина была коронована до совершенія брака, т. е. вѣнецъ Мономаховъ украсилъ, на этотъ разъ, головку польской панны, непринадлежавшей даже къ роду царскому... Но брачное торжество Разстриги, хотя и отправленное въ день не указанный церковью, сохранило всю обстановку древнихъ русскихъ обычаевъ. Такъ, на свадебной трапезѣ царской видимъ боярынь, изъ которыхъ однѣ сидѣли *въ лавкѣ*, *въ большомъ столѣ*, другія *подъ свахами*, третьи — *въ скамьѣ*; видимъ также бояръ, разсаженныхъ по чинамъ: одни *подъ дружками*, другіе *подъ боярынями*; знаемъ, что *у воды* и *у мыльни* были боярынъ Аѳан. Нагой да окольничій Нв. Крюкъ-Колычевъ, а *въ мыльню ходили* бояре Петръ Крюкъ-Колычевъ, чашникъ Кн. Нв. Хворостининъ; знаемъ и то, что, въ должности *мовниковъ*, состояли, между прочими, и будущія историческія знаменитости, какъ напримѣръ, кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій и кн. Дм. Тим. Трубецкой (8).

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня въ кремлевскихъ и

---

(7) Акты Археографической Экспедиціи, изд. 1836 г. т. II. № 48.

(8) См. «Свадьба Разстриги» въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, Новикова, изд. II. т. XIII, стр. 116—122.

другихъ улицахъ Москвы зазвучали трубы и литавры, возвѣщавшія двору и городу начало брачнаго торжества, — что не мѣшало однако же царственнымъ новобрачнымъ покоиться сладкимъ сномъ и проснуться *очень поздно* (?). Марина, вставъ съ брачнаго ложа вполнѣ царицею, не замедлила насладиться новымъ опытомъ давно желаннаго величія, и въ тотъ же день торжественно обѣдала на тронѣ, при чемъ ей прислуживали бояре, а за нею стояли тѣлохранители съ сѣкирами. Дочери Сендомирскаго воеводы, одѣтой теперь уже въ польское національное платье, любо было блеснуть передъ своими одноземцами сапомъ и обстановкой царицы московской; любо было слѣдить, какъ изумлялись ляхи, ослѣпленные азіятской роскошью русскихъ царей!... Принимая торжественное участіе въ ежедневныхъ пирахъ, Марина, на четвертомъ изъ нихъ, явилась въ коронѣ и до того восхитила такимъ зрѣлищемъ честолюбиваго родителя своего, что Сендомирскій воевода, забывъ и свойственный ему

(?) «...il semble que le bon Demetrius, qui peut estre auoit este par cy devat comme Moyne trop deuot sur son Breuiaire, feit vne trop assez longue Messe auec sa nouvelle maistresse, en la compagnie de laquelle il se trouva si rauy, qu'il oublia de se leuer du matin...» Voy. La Légende de la vie et de la mort de Demetrius L'imposteur, imprimée à Amsterdam en 1606, reimprimée à Moscou en 1839.

гоноръ и одолѣвавшую его дряхлость, не хотѣлъ ни сидѣть, ни надѣть шапку и, въ увлеченіи чадолюбія, самъ прислуживалъ своей дочери, какъ смиреннѣйшій изъ ея подданныхъ. 12 мая Марина великолѣпно угощала въ своихъ покояхъ однихъ только ляховъ, и тутъ пили и плясали до ночи, при чемъ царь, одѣтый по-гусарски, танцовалъ то съ женою, то съ тестемъ. Два дня спустя, Марина точно также угощала у себя русскихъ бояръ и думныхъ людей, очаровывала ихъ кажущимся соблюденіемъ русскихъ обычаевъ, и ласково привѣтствуя каждаго, старалась быть возможно любезнѣе со всѣми.

Празднества начинали однако утомлять царя, который спѣшилъ приняться за дѣло, и 15 мая уже принималъ участіе въ серьёзномъ совѣщаніи своихъ бояръ съ польскими послами. Но вовсе не о томъ думала царица. Царствуя не такъ давно какъ мужъ, успѣвшій отчасти привыкнуть къ власти, Марина переживала первый періодъ пользованія этою опасною игрушкою, видѣла себя вознесенною на верхъ счастія, возможнаго для шляхтянки, хотя бы и знатной, самоудовлетворялась роскошью, ее окружавшею, и, въ чаду величія, ниспосланнаго ей игрой слѣпаго случая,—пила наслажденіе полною чашею, думала только объ удовольствіяхъ и теперь нетерпѣливо ждала народнаго праздника 18 мая, кото-

рый приготовлялся съ большими затѣями и долженствовалъ заключиться примѣрнымъ приступомъ къ нарочно-выстроенной деревянной крѣпости съ земляною осыпью, куда, по приказанію царя, «воинство зѣло любившаго», уже во множествѣ свозились кремлевскія пушки. Сбитая съ толку раболѣпнымъ поклоненіемъ, безусловно окружавшимъ русскую царицу прошлыхъ вѣковъ, Марина слишкомъ рановременно убѣдилась въ прочности новаго положенія своего, вовсе не могла подозрѣвать, что это положеніе далеко не такъ прочно, какъ ей кажется, и, конечно, не знала, что въ то самое время, когда она тѣшится единственно мыслью о предстоящемъ праздникѣ 18 мая,—въ самомъ лонѣ царскаго двора зрѣетъ другая мысль, поборники которой сходятся по ночамъ въ домѣ Шуйскаго и даже начинаютъ попадаться въ руки правительства. Была ли напр. какая нибудь нужда сообщать царицѣ о томъ, что въ ночь на 16 мая схвачено и пытано въ Кремлѣ 6 человѣкъ подозрительныхъ людей,—когда и самъ царь не только не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія, но даже не позаботился усилить дворцовую стражу, состоявшую всего изъ 50 человѣкъ иноземцевъ?—Или, какимъ образомъ могла бы дойти до Марины площадная молва, слышанная кое-кѣмъ еще 12 мая и состоявшая въ томъ, что мужъ Марины не есть

истинный Дмитрій, а *царь поганый?* (10) Съ другой стороны, Марина, счастливая величіемъ царицы, начинала, можетъ быть, наслаждаться и счастіемъ жены, потому что нашла въ мужѣ своемъ человѣка къ ней подходящаго и вовсе не дюжиннаго, котораго одинъ изъ очевидцевъ описываетъ такъ: «остроуменъ и наученій книжномъ доволенъ, дерзостенъ і велерѣчивъ вельми, конское ристаніе любляше вельми, на враги своя ополчителенъ, смѣлъ вельми, храбрость имѣя и силоу велію, Таковъ бѣ Рострига» (11). Слѣдовательно Марина не имѣла ни какихъ поводовъ отравлять чѣмъ нибудь свое настоящее блаженство и наслаждалась имъ вполнѣ,— по крайней мѣрѣ до утра 17 мая 1606 г.

Въ это историческое утро, замѣчательное своею весеннею прелестію, но гибельное для Разстриги и пагубное для Марины, нѣжные супруги вовсе не во-время были разбужены страшнымъ набатомъ, гремѣвшимъ со всѣхъ московскихъ колоколенъ. Сначала супруги думали, что гдѣ нибудь пожаръ и мужъ, вскочивъ съ постели, бросился къ окну; но тамъ вмѣсто огня и зарева усмотрѣлъ лѣсъ копій и бердышей, видимо приближавшихся къ дворцу, только что отстроенному новымъ царемъ на мѣстѣ дворца

(10) Ист. Гос. Рос. Т. XI, стр. 165.

(11) См. Русскія достопамятности изд. Обществомъ Ист. и Древн. Рос 1815 г. Ч. I. 175.

Годуновыхъ. Все еще не понимая въ чемъ дѣло, мужъ на всякій случай, попросилъ жену вставать, и самъ спѣшилъ наскоро одѣться. Однако, шумъ сперва глухой, не только не стихалъ, но, становясь съ каждою минутою явственнѣе, скоро перешелъ въ какіе-то вопли, слышавшіеся уже въ самыхъ сѣняхъ дворца—и Басмановъ, въ отчаяніи вбѣжавъ къ супругамъ, сказалъ царю: «Все кончилось! Москва бунтуетъ; хотятъ головы твоей: спасайся!» (12). Супруги поняли все—и полуодѣтая царица, не помня себя отъ ужаса, кинулась зря въ сѣни, уже наполненныя разъяреннымъ народомъ, не была, къ счастію своему, узнана толпою, получила въ сматохѣ нѣсколько толчковъ, пересчитала, благодаря одному изъ нихъ, нѣсколько ступеней дворцовой лѣстницы, бросилась потомъ обратно въ свои покои, наконецъ полублагополучно укрылась въ апартаментѣ своей гофмейстерины, на порогѣ котораго сталъ съ обнаженною саблею преданный Маринѣ слуга, Осмульскій. Но буйная толпа, продолжая искать по всему дворцу несчастнаго царя, уже выпрыгнувшаго въ окно, вломилась въ убѣжище царицы, умертвила Осмульскаго, подстрѣлила одну изъ придворныхъ дамъ, панью Хмѣлевскую, умершую отъ раны нѣсколько дней спустя, и гро-

(12) Ист. Гос. Рос. Т. XI, стр. 167.

зила смертію самой Маринѣ, которая, какъ повѣствуютъ, сидѣла ни жива, ни мертва подъ юпками своей гофмейстерины, барыни весьма тучной (13). Подоспѣвшіе бояре выручили, однако, царицу, приказавъ толпѣ удалиться и не тревожить женщинъ, ни въ чемъ невиноватыхъ.

Марина не свидѣлась болѣе съ своимъ мужемъ. Овдовѣвъ, какъ извѣстно, въ это же самое утро, она узнала о своемъ низверженіи и была заключена подъ стражу въ томъ же дворцѣ, гдѣ такъ недавно еще окружало ее всеобщее поклоненіе. Даже воевода Сендомирскій, самъ, въ числѣ немногихъ ляховъ, едва избѣгнувшій смерти, нѣсколько дней не зналъ ничего объ участи своей дочери и чрезвычайно обрадовался, когда бояре, сказавъ ему: «дочь твоя спасена—благодари небо» (14)—дозволили отцу взглянуть на свое дѣтище, и безъ свидѣтелей побесѣдовать съ дочерью.—Впрочемъ, бывшую царицу, а теперь узницу, содержали хорошо, готовили ей столъ на дому воеводы, откуда приносили кушанье во дворецъ, такъ какъ Марина не могла ѣсть дворцовой стряпни, и 21 мая, два дня спустя по воцареніи Шуйскаго, Марина была возвращена отцу, при чемъ, однако же, у нея отобрали

(13) Ист. Гос. Рос. Т. XVI стр. 172.

(14) См. Лѣтопись Московская, Бера и сказ. Сокр. и Дим. Сам. Ч. I, стр. 82.

всѣ драгоцѣнности, которымъ немедленно составили точную и подробную *роспись.* Изъ этой росписи видно, что Марина, не считая «креста за стекломъ съ мощами святыхъ и надписаніемъ латинскимъ», невозвратно потеряла тогда жемчужный вѣнецъ нѣмецкой работы, осыпанный яхонтами и алмазами въ золотѣ; *шесть* паръ четокъ, между которыми были и золотыя съ яхонтами и алмазами, и жемчужныя съ финифтью, и низанныя какимъ-то «модным» жемчугомъ; *семь* цѣпочекъ золотыхъ, серебряныхъ, жемчужныхъ, даже алмазно-яхонтовыхъ; *семнадцать* шелковыхъ чепцовъ, бѣлыхъ и кармазиновыхъ, сдѣланныхъ, бо́льшею частію, сѣтками, вышитыхъ золотомъ и серебромъ, то и другое съ жемчугомъ; *десять* другихъ головныхъ уборовъ изъ бѣлой, красной и голубой парчи, или гладкаго и чернаго бархата, украшенныхъ жемчугомъ, золотыми узорами и туберозами изъ битаго серебра; *двѣ* власяницы, черную и бѣлую, вышитыя серебромъ и украшенныя золотомъ; наконецъ *тринадцать* воротниковъ и воротничковъ, или низанныхъ жемчугомъ по серебряной сѣткѣ, или тканыхъ съ цвѣтками золотомъ, или снабженныхъ золотыми, яхонтовыми, даже финифтевыми привѣсками, или шитыхъ *по-литовски* серебромъ съ шелкомъ. ([15]) «За тѣмъ

([15]) См. Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, изд. въ 1819 г. гр. Румянцевымъ. Т. II № 157.

низверженная царица оставалась при отцѣ, жившемъ подъ присмотромъ въ старомъ домѣ Бориса Годунова, и не только не упадала духомъ, но даже говорила ближнимъ своимъ, искавшимъ чѣмъ нибудь ободрить ее: «Избавьте меня отъ вашихъ безвременныхъ утѣшеній и слезъ малодушныхъ. Признанная однажды за царицу сего государства, никогда не перестану быть ею. И тотъ, кто бы захотѣлъ лишить меня короны, долженъ прежде лишить жизни» (16).

Почти черезъ мѣсяцъ послѣ коронаціи Шуйскаго, состоявшейся 1 іюня 1606 г., воеводу Сендомирскаго выселили съ дочерью изъ стѣнъ кремлевскихъ и перевели въ Китай-городъ, въ домъ думнаго дьяка Аѳанасія Власьева, любимца и канцлера лжедмитріева, сосланнаго послѣ погибели Самозванца. Здѣсь Марина и отецъ ея, утѣшенные свиданіемъ съ молодымъ сыномъ послѣдняго, старостою Саноцкимъ, прожили подъ полу-арестомъ около трехъ недѣль, и отсюда, по царскому повелѣнію, были, въ половинѣ августа, отправлены на жительство въ Ярославль, куда послѣдовало за ними 375 челов. ихъ земляковъ, въ томъ числѣ всѣ придворныя дамы и фрейлины павшей царицы. На

(16) См. статьи Попова «Изъ жизни Марины Мнишекъ» въ литературномъ отдѣлѣ Московскихъ Вѣдомостей 1857 г. № 91, стр. 411.

переѣздѣ отъ Москвы до Ярославля, оконченномъ въ 16 дней, изгнанники получали весьма скудное содержаніе, кормили лошадей на свой счетъ и охранялись, или, вѣрнѣе, сторожились 300 стрѣльцовъ ([17]). Но за то, на этомъ же переѣздѣ Марина услышала странную новость: ей сказали, что мужъ ея, гибель котораго она давно оплакивала,—вовсе не убитъ народомъ, но спасся и въ настоящее время благополучно обрѣтается въ Самборѣ, родномъ городкѣ Марины, въ томъ самомъ Самборѣ, гдѣ нѣкогда Марина выслушивала страстныя признанія царевича Дмитрія, гдѣ впервые спились ей престолъ и корона царства московскаго. Спасеніе мужа Марины, дѣйствительно, могло казаться возможнымъ самой Маринѣ, слышавшей еще въ Москвѣ, что трупъ, выброшенный на «лобное мѣсто», позорно валявшійся тутъ цѣлыхъ три дня, мало походилъ лицомъ на царя Дмитрія и носилъ ясные слѣды только что выбритой бороды, которой у мужа Марины вовсе не имѣлось. Какъ бы то ни было, Марина перевезла за Кострому нѣкоторыя падежды и внесла ихъ съ собою въ отведенный ей и ея каммерфрейлинамъ домъ, стоявшій за зем-

---

([17]) См. Дневникъ нѣкихъ пословъ, въ Сказ. Соврем. о Дим. Самозв. ч. IV, стр. 77—79.

лянымъ валомъ Ярославля ([18]), рядомъ съ домомъ, назначеннымъ въ жилище воеводѣ Сендомирскому.

Ярославское изгнаніе Марины, ознаменованное пожаромъ въ самыхъ комнатахъ бывшей царицы, происшедшимъ на третій же день по пріѣздѣ ея въ Ярославль, продолжалось около двухъ лѣтъ и прекратилось вслѣдствіе договора, заключеннаго царемъ Шуйскимъ съ поляками, 15 іюля 1608 г. ([19]). Изъ осьми статей этого договора слѣдующія три прямо касались Марины: 1) Воеводу Сендомирскаго съ дочерью и всѣхъ ляховъ освободить и дать имъ нужное для путешествія до границы. 2) Воеводѣ Сендомирскому не называть новаго обманщика своимъ зятемъ и не выдавать за него дочери. 3) Маринѣ не именоваться и не писаться Московскою царицею. Клятвенно обязавшись не нарушать этихъ условій, Марина, отецъ ея и другіе поляки выѣхали изъ Ярославля и, подъ надзоромъ князя Влад. Долгорукаго съ отрядомъ боярскихъ дѣтей — слѣдовали на Угличъ, Тверь и Бѣлый къ смо-

---

([18]) См. Исторія губернскаго города Ярославля, соч. Троицкаго, изд. 1853 г. стр 46.

([19]) Одинъ только Беръ, въ своей Лѣтописи Московской, говоритъ, что Марина съ отцомъ и родичами была перевезена изъ Ярославля въ Москву, гдѣ, до заключенія договора, содержалась нѣкоторое время въ тюрьмѣ, См. Сказ. Соврем. о Дим. Сам. Т. I, стр. 139—140.

ленской границѣ. Но всѣ эти плѣнники, замѣчаетъ Болтинъ «въ самое то время, какъ языкомъ клялися, въ сердцѣ своемъ противное уже умышляли» ([20]). Имъ, конечно, было очень хорошо извѣстно, что язва самозванства, въѣвшаяся тогда въ тѣло Россіи, раздѣляла русскихъ на нѣсколько враждебныхъ лагерей, съ которыми никакъ не могъ управиться всероссійскій самодержецъ Вас. Ив. Шуйскій. Къ тому же, старикъ Мнишекъ и дочь его, честолюбовая не менѣе отца, не могла не знать, что въ ихъ родномъ Самборѣ воскресъ, подъ покровительствомъ старой паньи воеводины Сендомирской, новый царь Дмитрій — не то поповичъ, не то дьякъ, можетъ быть школьный учитель, даже, говорятъ, жидокъ ([21]), стоявшій теперь въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ, куда, съ нѣкотораго времени, начали стекаться къ нему всѣ враги закон-

([20]) См. Примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, соч. Ив. Болтина, изд. 1788 г. Т. 1, стр. 417.

([21]) Вотъ слухи, официально ходившіе о второмъ самозванцѣ въ апрѣлѣ 1602 г.: «который де воръ стоитъ подъ Москвою, и тотъ де воръ пришелъ съ Бѣлыя на Велижъ, и зовутъ де его Богдашкомъ, и жилъ онъ на Велижи шесть недѣль. А пришелъ де онъ съ Бѣлые, какъ убили Разстригу вскорѣ, и сказывалъ на Велижи, что онъ былъ у Разстриги писаремъ ближнимъ; и съ Велижи де съѣхалъ съ Литвиномъ въ Витепскъ, и изъ Витепска де онъ съѣхалъ въ Польшу, а изъ Польши объявился въ воровское имя.» См. Акты Историческіе II. № 135.

наго порядка и только что пришелъ съ своимъ семитысячнымъ отрядомъ Янъ-Петръ Сапѣга, знатный и отважный искатель приключеній, безстыдно говорившій: «Мы жалуемъ въ цари Московскіе, кого хотимъ» (22). Слѣдовательно Сендомирскому воеводѣ былъ полный просторъ выбирать любое: или поскорѣе удалиться съ дочерью въ Сендомиръ и Самборъ, гдѣ спокойно и роскошно доживать вѣкъ по образу и подобію своихъ магнатовъ прадѣдовъ, или — еще разъ попытать счастія, связавшись съ новымъ претендентомъ на русскій престолъ. Честолюбивый старикъ выбралъ послѣднее—и вслѣдствіе этого, 16 августа 1608 г., плѣнниковъ, сопровождаемыхъ кн. Долгорукимъ, внезапно окружили въ Бѣльскомъ уѣздѣ, наѣздники Зборовскій и Стадницкій, высланные изъ Тушина съ 2 тыс. отрядомъ всякой сволочи. Кн. Долгорукій, боярскіе дѣти котораго всѣ разбрелись по своимъ помѣстьямъ, не могъ или не хотѣлъ защищаться и ускакалъ въ Москву, а Зборовскій съ Стадницкимъ, объявивъ Маринѣ, что *супругъ* ждетъ ее съ нетерпѣніемъ, вручили старому Мнишку грамотку Тушинскаго царька, исполненную желаній скорѣйшаго свиданія и законченную тѣмъ, что старой паньѣ воеводинѣ Сендомирской, не безъ дѣла сидѣвшей въ Польшѣ

---

(22) Ист. Гос. Рос. Т. XII. Стр. 52.

*все извѣстно* ([23]). Посовѣтовавшись между собою, Мнишекъ и дочь его—повернули въ Тушино ([24]).

Подобной рѣшимости стараго воеводы, пожалуй, еще можно было бы удивляться; но присутствіе той же рѣшимости въ дочери его — кажется намъ весьма понятнымъ. Съ одной стороны, честолюбивой Маринѣ снова начиналъ заманчиво улыбаться такъ скоро и такъ неожиданно потерянный ею престолъ; съ другой стороны—Марину, все еще прелестную, ждали объятія если не перваго мужа ея, то человѣка, можетъ быть, еще болѣе способнаго нравиться женщинѣ, какою была она, низверженная царица московская. Вопросъ о женской чести отодвигался, въ этомъ случаѣ, на второй планъ, потому что на первомъ мелькали престолъ и корона. И близость обладанія ими до того очаровывали Марину, что веселое настроеніе духа ея ни-

---

([23]) См. Собр. Гос. Грам. и Догов. Т. II. № 160.

([24]) Село Тушино, принадлежавшее нѣкогда кн. Телятевскимъ, теперь казенное, находится въ 12 верст. отъ Москвы, по Волоколамской дорогѣ. На выѣздѣ изъ Тушина къ Воскресенску или Новому-Іерусалиму, до сихъ поръ еще виднѣются, влѣво отъ дороги, слѣды окоповъ Тушинскаго вора. Здѣшній храмъ былъ, во времена Грознаго, Преображенскимъ *на Всходнѣ* монастыремъ, отъ котораго осталась теперь небольшая каменная церковь Преображенія; трапеза же и колокольня пристроены къ ней впослѣдствіи.

сколько не измѣнилось послѣ одного случая, когда какой-то молодой шляхтичъ, подскакавъ, на пути въ Тушино, къ экипажу экс-царицы, сказалъ ей: «Марина Юрьевна, я замѣчаю радость на лицѣ твоемъ, что было бы прилично лишь тогда, когда бы нашелся истинный государь; это же — не Дмитрій, бывшій супругъ твой, а иной» ([25]). Мало того: Марина, еще не убѣдясь лично въ дѣйствительности или подложности тушинскаго претендента на ея руку, уже соединяла интересы свои съ его интересами и, согласно желанію новаго Лжедимитрія, заѣзжала въ Вышгородскій монастырь присутствовать при положеніи мощей какого-то святаго; «отчего бы — писалъ ей царикъ — великое уваженіе къ *намъ* въ Москвѣ возросли, что извѣстно и вамъ самимъ, и чрезъ что *мы прежде* величайшую ненависть и пагубу потерпѣли въ *нашемъ* государствѣ» ([26]).

Не смотря однако же на такое алчное желаніе трона и короны, Марина, все-таки, не могла сразу заглушить въ себѣ чувство скромности, свойственной ея полу, и никакъ не рѣшалась броситься, очертя голову, въ объятія бродяги, теперь, завѣдомо ей незнакомаго. А потому было рѣшено,

---

([25]) Отд. Моск. Вѣдом. Лит. г. № 815. 789.

([26]) См. Собр. Гос. Грам. и Дог. Т. II. № 163.

что Мнишекъ съ дочерью, не въѣзжая въ Тушино, остановятся въ лагерѣ Сапѣги, куда самозванецъ явится къ нимъ на секретное свиданіе. День этого свиданія наступилъ 1-го сентября — и у дочери Мнишка потемнѣло въ глазахъ: передъ нею стоялъ человѣкъ «обличьемъ смуглъ, волосомъ черенъ, носъ поклянъ, усъ не малъ, брови велики нависли» (27)—человѣкъ, изъ всѣхъ словъ котораго явствовало, что онъ и грубъ, и жестокъ, и коваренъ, и развратенъ, словомъ составленъ изъ преступленій всякаго рода, недостоинъ имени даже ложнаго государя (28). Прелестная Марина содрогнулась отъ одной мысли раздѣлять ложе съ такою гадиною и страдала невыразимо, потому что въ ней боролись чувства женской стыдливости и естественнаго отвращенія съ чувствомъ честолюбія, далеко не женскаго. Но идти назадъ было поздно, гибельные совѣты отца, заодно съ обольщеніями самозванца, брали свое, — и Марина, махнувъ на все рукою, отчаянно предалась волѣ судьбы. Все, что могла выговорить себѣ несчастная жертва честолюбія,—

---

(27) См. Статьи Соловьева «Образъ Событій Русской Исторіи отъ кончины царя Ѳедора Іоанновича до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ» въ «Современникѣ» 1849 г. Январь, стр. 29.

(28) Ист. Гос. Рос. т. XII. Прим. 139.

это обязательство Тушинскаго вора не пользоваться правами мужа раньше взятія Москвы, и жить съ Мариною какъ братъ съ сестрою.

Затѣмъ, 8 сентября 1608 г., послѣдовалъ торжественный въѣздъ Марины въ лагерь тушинскій, разнокалиберное населеніе котораго пестрѣло толпами русскихъ измѣнниковъ, польской сволочи, казаковъ всѣхъ наименованій, даже касимовскихъ татаръ,—и самозванецъ внѣ себя отъ радости, привѣтствовалъ *свою* жену-царицу пальбою изъ всѣхъ наличныхъ тушинскихъ пушекъ. Марина же, при этомъ случаѣ «лицедѣйствовала столь искусно, что зрители умилялись ея нѣжностію къ супругу: радостныя слезы, объятія, слова внушенныя, казалось, истиннымъ чувствомъ — все было употреблено для обмана.» Такая комедія послужила къ большой выгодѣ самозванца, потому что многіе, смотря на Марину, увидѣли въ немъ истиннаго Димитрія, и число *перелетовъ*, т. е. бѣглецовъ изъ Москвы, стало быстро возрастать въ Тушинѣ, куда, вмѣстѣ съ множествомъ боярскихъ дѣтей, стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ, дьяковъ и подъячихъ, искавшихъ возвыситься какими бы то ни было средствами, — поспѣшили явиться теперь и такія личности, какъ кн. Дм. Тим. Трубецкой, кн. Дм. Мамстр. Черкасскій, кн. Ал. Юр. Сицкій, Мих. Мих. Бутурлинъ, двое кн. Засѣкиныхъ,—люди уже чиновные и

служившіе столышками при дворѣ царя Шуйскаго. Кромѣ этихъ и подобныхъ имъ перелетовъ, Самозванецъ видѣлъ около себя и одного изъ сановитыхъ представителей русскаго духовенства,—ростовскаго митрополита Филарета Никитича Романова, доставленнаго въ Тушино своею взбунтовавшеюся паствою и, волею-неволею, разыгрывавшаго здѣсь роль нарѣченнаго патріарха всероссійскаго ([29]).

Очутясь среди такого хаоса и въ головѣ до такой степени импровизованнаго двора, Марина очень скоро поняла, что признанный ею супругъ руководится исключительно внушеніями ляха Мѣхосецкаго и чуть-чуть не мѣшается съ грязью главнокомандующимъ тушинскихъ полковъ, кн. Рожинскимъ. Марину, конечно, оскорбляло такое ничтожество ея новаго мужа; но она жертвовала своимъ самолюбіемъ своему же честолюбію, и, въ надеждѣ чего-то лучшаго, довольствовалась пока скромнымъ помѣщеніемъ въ деревянныхъ хоромахъ, выстроенныхъ для нея и главныхъ лицъ двора въ самомъ центрѣ тушинскаго обоза. Сюда же, къ этому

([29]) Вотъ начало одной изъ грамотъ Филарета къ Сапѣгѣ, писанной въ ноябрѣ 1608 г., объ освященіи церкви: «Благословеніе великаго господина преосвященнаго Филарета, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, *нарьченнаго патріарха* Московскаго и всея Русіи. — См. акт. Истор. Т. II. № 106.

центру, стекались со всѣхъ областей, признававшихъ самозванца, и деньги, и припасы — въ такомъ количествѣ, что «лагерь тушинской, пишетъ очевидецъ—плавалъ въ изобиліи: нельзя было надивиться, откуда бралось такое множество съѣстныхъ припасовъ всякаго рода, скота, масла, сыру, муки, меду, солода, вина; даже собаки не успѣвали пожирать головъ, ногъ и внутренностей животныхъ, разбросанныхъ по улицамъ» ([30]). Но, независимо отъ всего этого, моральное состояніе Марины продолжало оставаться тѣмъ же разстроеннымъ и страдательнымъ состояніемъ, потому что событія въ Тушинѣ разочаровывали ее болѣе и болѣе: такъ, напримѣръ, едва Марина успѣла прибыть къ Самозванцу,—Сапѣга, враждовавшій съ Рожинскимъ, самовольно пошелъ осаждать Троицко-Сергіевъ монастырь, и тамъ безцеремонно перехватывалъ припасы, слѣдовавшіе въ Тушино; а Рожинскій, искавшій безусловнаго первенства въ станѣ тушинскомъ, собственноручно убилъ Мѣховецкаго въ самомъ шатрѣ самозванца и въ присутствіи послѣдняго. Почти въ то же время многіе бояре, оставивъ Лжедимитрія, удалились въ Москву, гдѣ одинъ изъ нихъ, кн. Вас. Мосальскій, торже-

([30]) См. Лѣтопись Бера, въ Сказ. Совр. о Дим. Сам. Ч. I стр. 147.

ственно, съ лобнаго мѣста, завѣрялъ народъ, что мнимый Димитрій есть новый воръ и обманщикъ,— вслѣдствіе чего, число перелетовъ значительно уменьшилось въ Тушино. Наступленіе 1609 г. принесло Маринѣ еще менѣе радостей. Отецъ ея, воевода Сендомирскій, спѣшилъ на сеймъ, созванный въ Польшѣ, и, въ январѣ, выѣхалъ изъ Тушина, холодно разставшись съ своею дочерью. «Не знаю— писала тогда къ отцу огорченная Марина — что̀ писать къ вамъ въ печали, которую имѣю, какъ по причинѣ отъѣзда вашего отсюда, что я осталась въ такое время безъ васъ, милостиваго государя моего и благодѣтеля, такъ и потому, что съ вами не такъ простилась, какъ проститься хотѣла, а паче я надѣялась и весьма желала, чтобы изъ устъ государя моего батюшки благословеніе получить, но видно я была недостойна. Нынѣ, чрезъ сіе письмо, припадая къ стопамъ, во-первыхъ въ томъ прощенія со слезами покорнѣйше прошу, что если я когда нибудь по неосторожности, съ умысла, по глупости, молодости или злости чѣмъ нибудь васъ прогнѣвала, благоволили бы, милостивый государь мой батюшка, теперь мнѣ все оное отпустить, и послать благословеніе дочери своей, въ печали и разлукѣ оставшейся, что я величайшимъ счастіемъ почитать буду». Но къ этимъ же скорбнымъ строкамъ Марина не забыла присоединить слѣдующихъ:

«Прошу васъ, милостивый государь мой батюшка, чтобъ я, по милости вашей, могла получить чернаго бархату узорчатаго на лѣтнее платье для поста, двадцать локтей, прошу успѣшно» ([31]). Въ другомъ письмѣ, адресованномъ къ папскому нунцію въ Польшѣ Сермонту, Марина, стараясь замаскировать плохія обстоятельства самозванца, выражалась такъ: «Мы находимся теперь въ лагерѣ подъ столичнымъ городомъ Москвою; дѣла наши въ такомъ положеніи, въ какомъ благоволилъ быть онымъ всеблагій Богъ» ([32]). Что касается до личнаго положенія Марины, оставленной отцомъ и почти всѣми знатными земляками, оно, ухудшаясь съ каждымъ днемъ, скоро сдѣлалось критическимъ. Ничтожный новый Лжедимитрій, обрадовавшись незначительному успѣху подъ Новгородомъ одного изъ своихъ полковниковъ, Керносицкаго ([33]), возмечталъ, что

---

([31]) Собр. Грам. и Дог. Т. II, № 171.

([32]) Тамъ же. № 170.

([33]) О подвигахъ Керносицкаго Никоновская лѣтопись повѣствуетъ такъ: «Прінди къ Новугороду полкови. Керносицкой со многими людьми и ста у Спаса на Хутынѣ, и многу пакость дѣлаше Великому Новугороду и уѣзду... Милостію же Божіею и молитвою препод. чудотв. Варлаама, не похотѣ своей обители видѣти въ скверности и положи на нихъ страхъ великій и побѣгоша отъ Новагорода съ великою ужастію.» См. Ист. Гос. Рос. Т. XII. Прим. 369.

вопросъ о томъ—быть или не быть рѣшенъ окончательно—и потребовалъ немедленнаго бракосочетанія съ Мариной, прелести которой давно уже возмущали его спокойствіе. Тщетно бѣдная Марина сопротивлялась грубой прихоти самозванца, тщетно указывала ему на его обязательство, заключенное съ ея отцомъ.... самозванецъ не внималъ ничему, хотѣлъ всего—и беззащитная Марина повиновалась: духовникъ іезуитъ тайно обвѣнчалъ ее съ Лжедмитріемъ. Слѣдовательно, послѣдняя жертва Марины ея ненасытному честолюбію была теперь принесена—и дочь воеводы Сендомирскаго, вѣнчанная царица московская, съ затаеннымъ отвращеніемъ повергласъ въ объятія безроднаго и гадкаго бродяги.

Но дорого стоилъ Маринѣ этотъ постыдный и невѣрно расчитанный ею шагъ къ престолу. Гнусный самозванецъ достигнувъ полнаго обладанія прелестями Марины, такъ долго ему недоступными, скоро пресытился ими и, затѣмъ, не только не оказывалъ женѣ ни малѣйшаго уваженія, но даже не заботился доставить ей средства къ приличному существованію. Что испытывала тогда дочь воеводы Сендомирскаго, о томъ можно судить изъ слѣдующей собственноручной записки ея къ отцу, отправленной изъ Тушина 13 марта 1609 г.:

«О дѣлахъ моихъ не знаю что писать, кромѣ того, что только отлагательства со дня на день,

*

нѣтъ ни въ чемъ исполненія; со мною поступаютъ также, какъ и при васъ, не такъ, какъ было обѣщано при отъѣздѣ вашемъ родительскомъ; о чемъ я хотѣла болѣе къ вамъ писать, только господинъ коморникъ очень спѣшитъ, для того вкратцѣ пишу; своихъ людей не могу послать, ибо надобно дать на пищу, а я не имѣю. Помню, милостивый государь мой батюшка, какъ мы съ вами кушали лучшихъ лососей и старое вино пить изволили, а здѣсь того нѣтъ; ежели имѣете, покорно прошу прислать» ([34]). Къ довершенію горя Марины, жестоко, но заслуженно терпѣвшей за свое легкомысліе, отъ воеводы Сендомирскаго не было ни отвѣта, ни привѣта, вмѣсто которыхъ, московскіе перелеты то и дѣло сообщали тушинскому двору недобрые слухи о дѣлахъ Лжедимитрія въ Польшѣ, даже въ разспросныхъ рѣчахъ говорили, что воевода Сендомирскій никакъ не можетъ уломать сеймъ въ пользу своего новаго зятя, хотя присягнулъ уже королю на томъ, что Димитрій «маетъ вернуть и Польшѣ отдать Смолепскъ и землю Сѣверскую». Вѣсти московскихъ перелетовъ подтвердились, въ апрѣлѣ, новыми слухами: Тушинскій станъ свѣдалъ тогда, что польскій король Сигизмундъ чисто-на-чисто отказалъ сендомирскому воеводѣ въ какой бы то ни

---

([34]) Собр. Гос. Грам. и Дог. Т. II, № 178.

было помощи, и думая вовсе не о Лжедимитріи, а о собственной пользѣ своей, самъ сбирается идти въ Россію—брать за себя Смоленскъ. Не зная, вѣрить или не вѣритъ этому, Марина крѣпко задумывалась и, въ августѣ, писала къ отцу: «Исполняя долгъ мой, никакого случая не оставляю, чтобы письменно не освѣдомиться о здоровьи вашемъ, милостиваго государя моего родителя, хотя въ сіе время я нѣсколько уже писемъ къ вамъ послала, на которыя никакого, а наипаче въ необходимыхъ дѣлахъ, отвѣта не получила; нѣкоторыя изъ оныхъ писемъ я сама писала, что меня весьма удивляетъ; ибо я, при нынѣшней печали моей, не зная, какой оборотъ примутъ дѣла россійскія, ни въ чемъ болѣе не нахожу утѣшенія, кромѣ, какъ чаще получать письма отъ васъ, государя моего родителя, и изъ оныхъ радоваться о добромъ здоровьи и благосостояніи вашемъ, въ томъ бы полагать свое удовольствіе; о чемъ усильно прошу, дабы вы, милостивый государь мой родитель, меня въ томъ оставлять не изволили. Я, по милости Божіей, теперь нахожусь въ добромъ здоровьи; о будущихъ же дѣлахъ россійскихъ и о вожделѣнныхъ успѣхахъ дома нашего писать еще нечего, такъ какъ оное находится въ рукахъ Божіихъ и Его святаго промысла» ([35]). Отвѣта все таки не было. Но дѣла на-

([38]) Тамъ же, № 187.

чали разъясняться: въ сентябрѣ, Сигизмундъ, дѣйствительно, стоялъ уже подъ Смоленскомъ, а въ ноябрѣ, дядя Марины, Стадницкій, уполномоченный королемъ, письменно предлагалъ племянницѣ отказаться отъ притязаній на русскій престолъ и получить въ вознагражденіе землю Сапоцкую съ доходами съ Самборской экономіи. Но Марина, обидясь тѣмъ, что дядя называетъ ее въ письмѣ не царицею Московскою, а дочерью воеводы сендомирскаго, отвѣчала Стадницкому: «Благодарю за добрыя желанія и совѣты; но правосудіе Всевышняго не дастъ злодѣю моему, Шуйскому, насладиться плодомъ вѣроломства» и собственноручно приписывала: «кому Богъ единожды даетъ величіе, тотъ уже никогда не лишается того блеска, подобно солнцу, всегда лучезарному, хотя и затмѣваемому на часъ облаками» ([36]). Наконецъ, въ станѣ самозванца разнеслась молва о скоромъ прибытіи сюда пословъ сигизмундовыхъ, что и сбылось въ декабрѣ мѣсяцѣ. Марина, стоя у окна подлѣ самозванца, сама видѣла въѣздъ посольства въ Тушино и не замедлила узнать, что послы явились съ королевскимъ порученіемъ: отвлечь отъ самозванца тушинскихъ поляковъ, которымъ представить, что гораздо приличнѣе служить своему природному государю, чѣмъ иноземному искателю приключеній.

([36]) Ист. Гос. Рос. Т. XII, стр. 113.

Положеніе Марины стало тогда еще болѣе тяжкимъ. Постоянно унижаемая и оскорбляемая поведеніемъ съ нею противнаго мужа ея, она давно уже видѣла явное и всеобщее неуваженіе къ этому мужу; слышала не разъ, какъ Тишкевичъ ругалъ самозванецъ въ глаза; знала, что онъ покушался уже бѣжать, но бывъ настигнутъ Рожинскимъ, содержался съ той поры въ Тушинѣ подъ строгимъ надзоромъ. Все это, разумѣется, далеко не льстило прирожденной гордости честолюбивой Марины.... Но теперь, когда послы сигизмундовы стали открыто дѣйствовать противъ того же самаго самозванца и, слѣдовательно, посягать на всѣ права его жены— сердце тушинской царицы облилось кровью. Она поняла, что изъ этого сердца хотятъ вырвать его завѣтнѣйшія надежды — и рѣшилась не отдавать ихъ никому, умереть съ ними. Въ этихъ, и только въ этихъ видахъ, Марина приготовилась стать горою за человѣка, хотя недостойнаго, но признаннаго ею царемъ и мужемъ, расположилась быть самою преданною и энергическою его помощницею, дала себѣ слово не разставаться съ *своимъ* Лжедимитріемъ и положила скоротать свою жизнь гдѣ бы то ни было, но—царицею.

Исполненіе этихъ новыхъ обязанностей было отъ Марины очень недалеко, потому что послы Сигизмунда, время отъ времени, сзывая тушинцевъ на

*коло*, успѣли уже раздѣлить интересы Сапѣги и запорожцевъ съ интересами самозванца и тѣмъ лишили послѣдняго значительной доли его пособниковъ. На сторонѣ Тушинскаго вора оставался—изъ своихъ личныхъ видовъ—одинъ Рожинскій, да и тотъ, на вопросъ самозванца, о чемъ идутъ у нихъ переговоры съ послами, безцеремонно отвѣчалъ: «какое тебѣ дѣло до того, зачѣмъ послы пріѣхали ко мнѣ? кто знаетъ, кто ты таковъ? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видимъ!» — и, говорятъ, замахнулся на самозванца палкою. Тогда Тушинской воръ въ ужасѣ прибѣжалъ къ Маринѣ, кинулся ей въ ноги и сказалъ: «Гетманъ выдаетъ меня королю; я долженъ спасаться, — прости!» Это было 27 декабря 1609 г., а два дня спустя, самозванецъ, переодѣвшись крестьяниномъ, сѣлъ въ навозныя сани, и самъ другъ съ шутомъ своимъ, Кошелевымъ, уѣхалъ въ Калугу.

Увидѣвъ себя покинутою мужемъ, царица поняла, что роль ея началась и время дѣйствовать наступило. Съ распущенными волосами, блѣдная и рыдающая, явилась Марина среди стана тушинцевъ, изумленныхъ и смущенныхъ исчезновеніемъ самозванца, громко жаловалась на Рожинскаго, и, переходя изъ ставки въ ставку, заклинала каждаго оставаться вѣрнымъ Димитрію, при чемъ очаровывала многихъ красотою, потому что въ слезахъ казалась еще пре-

лестнѣе. Растрепанность и рыданія молодой красавицы произвели свой эффектъ: ляхи бросились къ шатру Рожинскаго, громко звали самозванца и чуть не изрубили своего гетмана. Впрочемъ, минутный восторгъ новыхъ рыцарей остылъ такъ же скоро какъ возбудился и только 3 тыс. казаковъ, подъ предводительствомъ кн. Трубецкаго и Засѣкина, выѣхали изъ Тушина; да и тѣ, претерпѣвъ двукратное пораженіе, достигли Калуги въ значительно меньшемъ числѣ. Но Марина, оставаясь въ лагерѣ почти плѣнницею, продолжала сохранять эфемерное достоинство царицы и, 15 января 1610 г., между прочимъ, писала къ Сигизмунду: «Ни съ кѣмъ не играло такъ счастіе, какъ со мною: изъ шляхетскаго рода оно возвысило меня на престолъ великой Имперіи—и низвело съ престола въ мрачную темницу, изъ - за которой проглянула - было обманчивая свобода, но судьба снова ввергла меня еще въ пагубнѣйшую неволю. Теперь, счастіе меня оставило, но не лишило права властительскаго, утвержденнаго моимъ царскимъ вѣнчаніемъ и двукратною присягою всѣхъ руссіанъ» ([37]). Оканчивая это письмо пожеланіемъ Сигизмунду военныхъ успѣховъ и преданіемъ себя въ его защиту,—Марина отнюдь не отрекалась отъ своихъ правъ на престолъ, стоившихъ ей и чести, и стыда.

([37]) Лит. Отд. Моск. Вѣд. 1857 г. № 103.

Однако, пребываніе Марины въ Тушинѣ становилось для нея опаснымъ, потому что ненавистный ей Рожинскій могъ, безъ особенныхъ хлопотъ, выдать царицу самозванку или польскому королю, или русскому правительству. Ежечасное ожиданіе не того, такъ другаго — ожиданіе, дѣйствительно, невыносимое—рѣшило жену Лжедмитрія бѣжать къ мужу, который и къ ней, и къ тушинцамъ уже подсылалъ изъ Калуги свои призывныя граматы. Намѣреніе Марины было обдумано и выполнено ею очень скоро: доставъ себѣ полный воинскій нарядъ, отважная Маринѣ, ночью подъ 11 февраля 1610 г., не смотря на трескучій морозъ, скакала уже съ лукомъ и туломъ за плечами по калужской дорогѣ, сопровождаемая только вѣрнымъ своимъ коморникомъ и одною служанкою. Поутру, въ комнатахъ Марины нашли записку, сокращенное содержаніе которой состояло въ слѣдующемъ: «безъ друзей и ближнихъ, одна съ своею горестію, я должна спасать себя отъ наглости моихъ мнимыхъ защитниковъ. Въ упоеніи шумныхъ пировъ, клеветники гнусные равняютъ меня съ женами презрительными, умышляютъ измѣны и ковы. Сохрани Боже, чтобы кто нибудь дерзнулъ торговать мною и выдать меня человѣку, которому ни я, ни мое царство не подвластны! Утѣсненная и гонимая, свидѣтельствуюсь Всевышнимъ, что не престану

блюсти своей чести и славы, и, бывъ властительницею народовъ, уже никогда не соглашусь возвратиться въ званіе польской дворянки. Надѣясь, что храброе воинство не забудетъ присяги, моей благодарности и наградъ, ему обѣщанныхъ, удаляюсь» ([38]). Эту записку читали по всему лагерю— и тушинскіе ляхи снова окружили шатеръ Рожинскаго, снова грозились убить гетмана, но снова одумались. Изъ Тушина не выѣхалъ на этотъ разъ никто, кромѣ нѣсколькихъ донцовъ. Однако же Рожинскій, донося Сигизмунду о неожиданномъ бѣгствѣ Марины, счелъ нужнымъ присовокупить, что войско сильно бунтуетъ и необходимо чѣмъ нибудь удовлетворить его. «Иначе, доносилъ Рожинскій, трудно успокоить рыцарство» ([39]).

Между тѣмъ, Марина, сбившись съ калужской дороги, очутилась, 16 февраля, подъ Дмитровымъ, гдѣ на ту пору стоялъ лагеремъ Сапѣга. Этотъ врагъ Рожинскаго изумился, увидѣвъ передъ собою жену самозванца и, тронутый критическимъ положеніемъ Марины, чистосердечно совѣтовалъ ей удалиться къ роднымъ въ Польшу. «Мнѣ ли, ца-

---

([38]) Ист. Гос. Рос. Т. XII, стр. 115.

([39]) Вскорѣ послѣ этого, Рожинскій былъ принужденъ зажечь тушинскій лагерь, выступить оттуда и отойти къ Іосифову Волоколамскому монастырю, во время стоянки подъ которымъ, самъ гетманъ умеръ въ Волоколамскѣ, на 36 году.

рищѣ всероссійской, въ такомъ презрѣнномъ видѣ явиться къ роднымъ моимъ! Я готова раздѣлить съ царемъ все, что Богъ ни пошлетъ ему» отвѣчала Сапѣгѣ Марина (40)—и тутъ же заказала себѣ алый бархатный кунтушъ, велѣвъ купить для нея сапоги со шпорами и пріискать пару хорошихъ пистолетовъ съ доброю саблею. Тогда у Сапѣги мелькнула другая мысль: задержать Марину въ своемъ станѣ, извлечь для себя изъ ея имени какую нибудь пользу. Узнавъ объ этомъ, Марина велѣла сказать Сапѣгѣ: «не бывать тому, чтобы онъ изъ личныхъ выгодъ сталъ торговать мною. У меня есть своихъ 350 донцовъ. Если дойдетъ до того, я дамъ ему битву» (41). Послѣ такого категорическаго предупрежденія, Сапѣгѣ оставалось обѣщать Маринѣ конвой до Калуги, а самой ей — спѣшить къ мужу. Но послѣднее не могло тотчасъ же состояться: отрядъ войскъ кн. Скопина-Шуйскаго осадилъ Дмитровъ прежде, чѣмъ успѣла выѣхать отсюда Марина. Эта осада врасплохъ угрожала большою опасностію для Марины, потому что у Сапѣги было всего 700 чел., на половину казаковъ, а москвитяне и нѣмцы приступали къ городу съ такою силою, что каждый изъ осажденныхъ легко могъ ожидать смерти или плѣна. Но присутствіе духа все-таки не покидало Марины,

(40) См. Лѣтоп. Бера, въ Сказ. о Дом. Сам. т. I, стр. 164.
(41) См. Лит. Отд. Моск. Вѣд. 1857 г. № 103.

которая—по свидѣтельству очевидца, Мархотскаго—явилась въ одну изъ критическихъ минутъ у самаго вала, крикнула ослабѣвшимъ защитникамъ Дмитрова: «что дѣлаете, трусы! я женщина, а не растерялась»—и тѣмъ помогла, на этотъ разъ, отразить наступавшихъ.

Приступы, однако, повторялись — и въ одномъ изъ офиціальныхъ документовъ того времени читаемъ, что «Божіею милостію и Пречистые Богородицы, хрестьянскіе заступницы, помощью, и Московскихъ Чудотворцовъ Петра, Алексѣя и Іоны моленіемъ, и Государя Царя и Великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи счастьемъ, Дмитровъ Государевы воеводы взяли, и Литовскихъ людей и воровъ, которые въ Дмитровѣ съ Сендомирскаго дочерью и съ Сапѣгою сидѣли, побили всѣхъ наголову, и съ Сендомирскаго дочерью Маринкою, и Сапѣгу самаго взяли; а она было побѣжала въ воровскіе таборы» (42). Эти «воровскіе таборы» были ни что иное, какъ Калуга, куда Марина, сопровождаемая 50 сапѣжными нѣмцами, прискакала ночью, послѣ заутрень, и, найдя городскія ворота запертыми, велѣла доложить Лжедимитрію, что прибылъ собственный его коморникъ, имѣвшій нужду немедленно видѣть царя. Догадавшись въ чемъ дѣло, Лжедимитрій тотчасъ приказалъ отворить ворота и

(42) См. Акты. Истор. Т. II. стр. 338.

нѣсколько минутъ спустя, юный воинъ, въ шлемѣ и съ локонами по плечамъ, ловко осадилъ взмыленнаго коня у крыльца Лжедимитріева дома. Само собою разумѣется, что въ этомъ воинѣ всѣ тотчасъ же узнали Марину, и радость калужанъ, счастливыхъ присутствіемъ царицы въ ихъ городѣ, была безпредѣльна.

Жизнь Марины въ Калугѣ, исполненная прежнихъ ожиданій престола и короны, потекла ровнѣе и спокойнѣе жизни ея въ Тушинѣ. Въ Калугѣ не было уже ни самонадѣяннаго Рожинскаго, ни дерзкаго Тишкевича, ни тѣхъ пагубныхъ для Марины сходбищъ, или *коль*, гдѣ громогласно посягали на права втораго Лжедимитрія и его жены. Правда, калужскій дворъ *Тушинскаго вора*—какъ называетъ Лжедимитрія исторія — состоялъ, по преимуществу, изъ русскихъ холопей измѣнниковъ и польско-татарскаго сброда искателей приключеній, въ головѣ которыхъ стоялъ кн. Григ. Шаховской «всей крови заводчикъ», заклятой врагъ Шуйскаго и другъ всѣхъ его враговъ. Но это-то и успокоивало Марину, которая, въ то же время, очень хорошо понимала, что пока Сигизмундъ стоитъ подъ Смоленскомъ и воюетъ съ Москвою, Лжедимитрій, оставаясь главою русской партіи, ненавидѣвшей Шуйскаго, будетъ, естественнымъ образомъ, сберегаемъ Сигизмундомъ, какъ необходимое пугало Москвы. Съ другой сто-

роны, Марина не слишкомъ боялась и честолюбиваго Сигизмунда, потому что сильно расчитывала на Сапѣгу, который, не выхлопотавъ согласія Сигизмунда на свои притязанія, продолжалъ оказывать преданность самозванцу, и, любимый поляками, привлекалъ къ калужскому царьку многихъ своихъ земляковъ. Наконецъ, Марина видѣла вокругъ себя довольство и пиры; слышала всеобщую молву, что въ Калугѣ честь и богатство, а въ Тушинѣ бѣдность и смерть; знала, что тушинскіе ляхи жалѣютъ о счастіи, которое оставило ихъ съ удаленіемъ самозванца,—и не могла не радоваться, когда извѣстный Прокопій Ляпуновъ, глава мужественныхъ рязанцевъ и любимецъ кн. Скопина-Шуйскаго, огорченный безвременною кончиною послѣдняго, завязалъ сношенія съ Калугою.... Ожидая всего хорошаго отъ такого благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, Марина все-таки внутренно возмущалась преимуществомъ правъ своихъ передъ правами самого Лжедимитрія, мечтала, можетъ быть, о заявленіи со временемъ подложности своего мужа и не упускала случая возможно выгоднѣе оттѣнить собственную личность отъ личности ничтожнаго самозванца. Однимъ изъ такихъ случаевъ былъ тотъ, когда Лжедимитрій, досадуя на потерю крѣпкаго Іосифова монастыря, отнятаго у дружины самозванцевой нѣмецкою дружиною Сигизмунда, велѣлъ

ни съ того ни съ сего побросать въ воду всѣхъ своихъ нѣмцевъ. Эти несчастные были отвсюду вытребованы въ Калугу, и узнавъ свой приговоръ, искали защиты въ протекціи фрейлинъ царицы, дамскій штатъ которой, съ прибытіемъ ея въ Калугу, состоялъ, исключительно, изъ однѣхъ нѣмокъ. Марина приняла участіе въ невинныхъ страдальцахъ, попросила кн. Шаховскаго пріостановиться исполненіемъ жестокаго приговора и послала приглашеніе къ самому Лжедмитрію зайти къ ней. «Знаю, чего она хочетъ, завопилъ озлобленный самозванецъ; она будетъ просить за поганыхъ нѣмцевъ; напрасный трудъ! Всѣхъ въ воду сегодня же—или я не Димитрій. А если она вздумаетъ меня безпокоить—утопить и ее вмѣстѣ съ ними». Марина, опечаленная такимъ отзывомъ мужа, рѣшилась идти къ нему сама и, подавляя въ себѣ чувство прирожденнаго ей гонора, бросилась къ ногамъ бродяги самозванца, умоляла его размыслить о жестокости приговора и пощадить невинныхъ нѣмцевъ. Лжедмитрій смягчился, изрекъ помилованіе—и красавецъ Георгъ Гребсбергъ, любимый комерникъ Марины, явясь къ осужденнымъ, уже приготовившимся къ смерти, сказалъ имъ: «радуйтесь, нѣмцы! Молитесь о здравіи царицы, своей матери; будьте покорными дѣтьми ея!» — на что нѣмцы единогласно отвѣтствовали: «Да сохранитъ милосердый Богъ нашу государыню, вмѣстѣ съ

супругомъ ея! Будемъ вѣчно молиться за нихъ» ([43]).

Между тѣмъ, положеніе Шуйскаго въ Москвѣ становилось хуже и хуже. Царствуя надъ Россіею, наводненною внѣшними и внутренними врагами, Шуйскій не пользовался расположеніемъ своихъ немногихъ подданныхъ, подозрѣвался, какъ соучастникъ въ отравленіи кн. Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго, стратига русской земли, и преслѣдуемый несчастіями, узналъ, въ іюнѣ 1610 г., о совершенномъ разбитіи, подъ Клушинымъ, брата своего кн. Дм. Шуйскаго гетманомъ Жолкевскимъ. Объ этой клушинской битвѣ свѣдалъ, вмѣстѣ съ царемъ Шуйскимъ, и самозванецъ, который, пользуясь плохими обстоятельствами московскаго правительства, немедленно выступилъ изъ Калуги къ Москвѣ.

Лжедимитрія сопровождала и Марина. Бывъ свидѣтельницею неудачной схватки, на р. Нарѣ, сволочи своего мужа съ крымскими мурзами, спѣшившими на помощь царю Василію, Марина видѣла занятіе той же сволочью вѣрнаго Шуйскому Серпухова, потомъ разореніе Боровскаго Пафнутіева монастыря и, вмѣстѣ съ Лжедимитріемъ, вступила въ село Коломенское. Здѣсь самозванецъ расположился обширнымъ станомъ, и отправивъ пословъ къ Сигиз-

([43]) См. Лѣтоп. Бера къ Сказ. Совр. о Дим. Сам. Т. I, стр. 170.

мунду «съ изъявленіемъ ему его дружескаго расположенія» — здѣсь же узналъ о низложеніи царя Василія, постриженнаго собственными подданными въ іюлѣ 1610 г. Но это низложеніе личнаго врага Марины, вовсе не послужило къ ея пользѣ, потому что 17 августа того же 1610 г. москвичи присягнули не Лжедимитрію съ Мариною, а польскому королевичу Владиславу, сыну Сигизмундову.

Извѣстіе о такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣлъ застало Марину въ Нижо-Угрѣшскомъ монастырѣ, гдѣ она находилась тогда вмѣстѣ съ мужемъ. Сюда же явился одинъ изъ московскихъ перелетовъ и предупредилъ супруговъ, что на Угрѣшу идетъ самъ Жолкевскій, съ цѣлію захватить здѣсь и Лжедимитрія и Марину, оставленныхъ даже Сапѣгою. Вслѣдъ за тѣмъ прибыли въ монастырь парламентеры Жолкевскаго, мирволюбиво предлагавшіе самозванцу—упасть къ ногамъ короля Сигизмунда и, за подобное смиреніе, получить въ удѣлъ Гродно или Самборъ. Выслушавъ такое предложеніе, Лжедимитрій отвѣчалъ: «Хочу лучше жить въ крестьянской избѣ, нежели милостію Сигизмунда»; а Марина, пылая негодованіемъ, начала злословить и поносить короля и съ язвительною насмѣшкою сказала парламентерамъ: «Теперь слушайте мое предложеніе: пусть Сигизмундъ уступитъ царю Димитрію Краковъ, и возьметъ отъ него, въ знакъ мило-

сти, Варшаву» (44). Но дѣлать было нечего: Жолкевскій приближался къ Угрѣшѣ, и супруги, 25 августа, поспѣшили спастись въ Калугу, куда, съ ними же, удалился запорожскій атаманъ Заруцкій, недовольный Жолкевскимъ за то, что тотъ не далъ ему главнаго начальства надъ русскими войсками, присягнувшими Владиславу.

Марина возвратилась въ Калугу съ растерзанною душою. Тронъ и корона видимо уходили изъ глазъ честолюбивой Мнишковны, и кн. Мстиславскій, первое лицо московской боярской думы, повѣщая Россію о присягѣ Москвы королевичу, въ то же время убѣждалъ всѣхъ окружною грамотою отъ 30 августа: «Марину Мнишкову, которая была за убитымъ разстригою, Гришкомъ Отрепьевымъ, и съ нынѣшнимъ воромъ по московскому государьству ходитъ, государынею московскою не называти и смуты никоторые впередъ въ московскомъ государствѣ не дѣлати и отвести ее въ Польшу» (45). Но сама Марина не могла такъ скоро помириться съ мыслію о необходимости самоотреченія, и снова пренебреженная самозванцемъ, легкомысленно предававшимся охотѣ и пьянству, стала выискивать человѣка, съ отвагою котораго было бы ей выгодно соединить свою неукротимую энергію. Именно та-

(44) Ист. Гос. Рос. Т. XII, стр. 146.

(45) См. Акты Арх. Эксп. Т. II. № 165.

кимъ человѣкомъ казался Маринѣ казачій атаманъ, Пв. Март. Заруцкій, уроженецъ тарнопольскій, — личность смѣлая, ловкая и предпріимчивая. Присматриваясь къ Заруцкому, Марина поняла, что «въ его неугомонной головѣ хватало сердца и смысла на все, особенно если предстояло сдѣлать что нибудь злое» (46), — и затѣяла съ атаманомъ секретную связь. Эта связь продолжалась всю осень 1610 г., но не была замѣчаема Лжедимитріемъ, который, дѣлая одну глупость за другою, перессорился съ преданными ему татарами и велѣлъ—по неосновательному подозрѣнію въ измѣнѣ—бросить въ воду живнаго въ Калугѣ касимовскаго царя Ураз-Махмета, а друга Махметова, нагайскаго князя Петра-Араслана Урусова посадилъ въ тюрьму. Освобожденный чрезъ нѣсколько дней, Арасланъ затаплъ въ себѣ глубокое чувство мести и скоро насытился ею.

11 декабря 1610 г.—въ день, по обыкновенію, посвященный охотѣ—Арасланъ, проѣзжая съ Лжедимитріемъ однимъ уединеннымъ мѣстомъ, злодѣйски выстрѣлилъ въ самозванца, ранилъ его въ руку и, сказавъ царьку: «я научу тебя топить хановъ и сажать мурзъ въ темницу»—тутъ же отсѣкъ ему голову. Свидѣтелемъ убійства былъ шутъ Лже-

(46) См. Рукопись Жолкевскаго, изд. Мухановымъ, въ 1835 г. стр. 198.

дмитрія Кошелевъ, который тотчасъ же поскакалъ извѣстить Калугу о случившемся происшествіи. Калужане, «не понявъ тому вѣры», ударили, однако, въ сполошные колокола и всѣмъ городомъ «ѣздили того воровского тѣла смотрить.... и того вора видѣли они, за рѣчкою за Ячепкою, на горкѣ, у креста, лежитъ убитъ, голова отсѣчена прочь, да по правой рукѣ сѣченъ саблею....» (47) Сомнѣнія въ смерти самозванца не было, слѣдовательно, никакого.

Марина, жалѣя не о мужѣ, а о своемъ погибавшемъ величіи, спѣшила повторить сцену, разыгранную, нѣкогда, въ Тушинѣ. Прелестница снова явилась блѣдною, рыдающею, растрепанною; ночью, съ факелами, бѣгала по улицамъ; звала калужанъ мстить татарамъ за смерть Димитрія—и до того возбудила умы гражданъ, что «къ утру, говоритъ Карамзинъ, не осталось *ни единаго* татарина живаго въ Калугѣ» (48). Всѣ земляки Аргасланова, вовсе не виноватые въ смерти тушинскаго вора, были перерѣзаны калужанами и казаками, тогда какъ самъ Арасланъ ушелъ съ нагаями въ Тавриду.

Но Марина не остановилась на убіеніи татаръ. Объявивъ себя беременною, она немедленно родила сына, *Ивашка*, котораго калужане съ тор-

---

(47) См. Акты Ист. Т. II, № 307.

(48) Ист. Гос. Рос. Т. XII, стр. 161.

жествомъ окрестили въ своей соборной церкви, гдѣ, въ то же время и съ такимъ же торжествомъ, былъ погребенъ и ихъ убитый царикъ. «И остася— говоритъ о Маринѣ Палицынъ — сука со единѣмъ щенятемъ, киейже припряжеся закономъ сатанинскимъ полякъ Иванъ Заруцкій, показуяся, яко служа ей и тому ея выблядку» ([49]). Не смотря однако же на видимое покровительство Заруцкаго Маринѣ, кн. Трубецкой, кн. Черкасскій, Бутурлинъ, Микулинъ и другіе сановитѣйшіе люди калужскаго двора не хотѣли служить ни срамной вдовѣ двухъ обманщиковъ, ни сыну ея, дали знать обо всемъ московской боярской думѣ, и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій—посадили Марину подъ стражу.

Тогда только удостовѣрилась честолюбивая экс-царица въ рѣшительной несбыточности своихъ надеждъ, и, забывъ на минуту все остальное, думала единственно о сохраненіи собственной жизни. «Освободите, ради Бога освободите! писала она Сапѣгѣ изъ своего заключенія: мнѣ даютъ жить только

---

([49]) См. Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ Поляковъ и проч. соч., Авраамія Палицына, изд. 1822 г., стр. 242 —Берхъ думаетъ, что сынъ Марины могъ считать своимъ отцомъ тушинскаго гетмана Рожинскаго. См. Царствованіе Михаила Ѳедоровича соч. Берха, изд. 1832 г. Ч. 1 стр. 59.

двѣ недѣли. Вы славны; будьте еще славнѣе, спасая несчастную. Милость Божія будетъ вамъ вѣчною наградою» (50). Однако Сапѣга не отвѣчалъ ничего, и, простоявъ еще день подъ Калугою—отступилъ.

Хотя Маринѣ оставалось жить и не двѣ недѣли, какъ писала она Сапѣгѣ, а гораздо больше, но дальнѣйшая судьба ея уже не представляетъ прежняго интереса, потому что бывшая царица московская становится отнынѣ отчаянною авантюристкою, которая, безсмысленно преслѣдуя одинъ и тотъ же призракъ трона и короны, тщетно старается уловить его и жертвуетъ ему послѣдними искрами не чести, давно уже утраченной Мариною, а самаго женскаго стыда. Поэтому, мы разскажемъ остальную жизнь Марины вкратцѣ.

Переведенная изъ Калуги въ Коломну, Марина содержалась тутъ около полутора года, въ теченіе которыхъ, избранникъ ея, Заруцкій, то раздѣлялъ съ Ляпуновымъ и Трубецкимъ начальство надъ первымъ ополченіемъ русской земли, то присягалъ псковскому самозванцу *Сидоркѣ*, то игралъ главную роль въ убіеніи Ляпунова, то безуспѣшно подсылалъ убійцъ къ кн. Пожарскому, въ Ярославль, гдѣ будущій спаситель отечества собиралъ тогда второе земское ополченіе. Въ коломенское заключеніе Ма-

(50) См. Лит. Отд. Моск. Вѣд. 1857 г. № 120.

рины, конечно, достигали слухи объ окружной грамотѣ Гермогена, которою этотъ старецъ-патріархъ убѣждалъ русское духовенство, «чтобъ они отнюдь на царство проклятаго Маринка панина сына не благословляли», потому что «отнюдь Маринкинъ на царство не надобенъ, проклятъ отъ Святаго собора и отъ насъ» (51). Но Марина знала и о томъ, что «многіе покушаются, чтобъ паньѣ Маринѣ съ законопреступнымъ сыномъ ея быти на Московскомъ Государствѣ, съ ложнымъ воромъ, антихристовымъ предотечемъ, что имъ долю отца своего исполнить и грабежамъ и блудомъ и инымъ неподобнымъ богомненавиднымъ дѣломъ не престать» (52). Слѣдовательно, экс-царица не теряла надежды, пересылалась съ астраханцами, «хотя литъ повую кровь», ждала своего избавителя—и дождалась его.

Свѣдавъ, лѣтомъ 1612 г., о выступленіи Пожарскаго изъ Ярославля, Заруцкій «изъ подъ Москвы побѣже, и пришедъ на Коломну, Маринку взя, и съ воренкомъ ея сыномъ, и Коломну градъ выгромивъ, пойде въ Рязанскіе мѣста, и тамъ многую

---

(51) См. Собр. Гос Грам. и Дог. Т. II. № 268.—Впрочемъ эта грамата гораздо исправнѣе напечатана въ книгѣ Берха. «Древнія государственныя грамоты и проч., собранныя въ Пермской губерніи» изд. 1821 г. См. № XXV.

(52) См. Акт. Арх. Эксп. Т. II, № 201.

пакость дѣлаше, и пришедъ, ста на Михайловѣ городѣ» ([53]). Отсюда Заруцкій двинулся къ Рязани, былъ здѣсь разбитъ на голову, но забравъ Маринку, уже обвѣнчанную съ нимъ, бѣжалъ далѣе, опустошилъ по дорогѣ Дидиловъ, Епифань, Кропивну, Чернь, Ливны, Лебедянь — и бросился въ Украйну.

Между тѣмъ, въ Москвѣ, очищенной Пожарскимъ и Мининымъ отъ поляковъ, состоялось, въ февралѣ 1613 г., избраніе на царство Михаила Романова; русская земля единодушно присягнула «на Московское государство иныхъ государей, и Маринки съ сыномъ не обирати, и имъ ни въ чемъ не доброхотати, и съ ними ни о чемъ не ссылатись» ([54])— и новое правительство назначило для поимки Заруцкаго съ Маринкою ополченія тульское, владимірское и рязанское, всѣ подъ главнымъ начальствомъ кн. Нв. Никит. Одоевскаго. Въ то же время, толпы казаковъ, оставя Заруцкаго, приходили въ Москву, гдѣ говорили, что «Заруцкій съ польскими и литовскими людьми на всякое зло Московскому государству ссылался и хотѣлъ съ Маринкою въ Польшу и Литву къ королю бѣжати и его не пу-

---

([53]) См. Лѣтопись о многихъ мятежахъ и проч., изд. 1788 г., стр. 253.

([54]) См. Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1. № 203, стр. 629.

стили и удержали атаманы и козаки, которые въ тѣ поры были съ нимъ»; или—что «Заруцкій хочетъ итти въ Казылбаши (въ Персію), а Маринка де съ нимъ итти не хочетъ, а зоветъ его съ собою въ Литву» (55). Царскіе воеводы настигли Заруцкаго подъ Воронежемъ; «и бывшу бою, не возмогоша его одолѣть, и многую шкоду подъяша отъ него въ людехъ; онъ же переправясь Донъ съ Маринкою пойде степью къ Астрахани» (56).

Овладѣвъ, съ помощью ногайскихъ татаръ, Астраханью, Заруцкій провелъ здѣсь всю зиму 1613 — 1614 г., предалъ смерти мѣстнаго воеводу кн. Хворостинина, казнилъ кого попало, не разбирая ни сана, ни пола, ни возраста, выкралъ изъ здѣшняго Троицкаго монастыря серебряное паникадило, изъ котораго, между прочимъ, слилъ себѣ стремена, дарилъ своихъ друзей городскими лавками и амбарами и дѣйствовалъ не иначе, какъ граматами и наказами, писавшимися отъ имени «государя царя и великаго князя Дмитрея Ивановича всея Руссіи, и отъ государыни царицы и великой княгини Марины Юрьевны всея Руссіи, и отъ государя царевича и великаго князя Ивана Дмитріевича всея

(55) См. Русская Лѣтопись по Никонову списку, изд. 1772 г. Ч. VIII. стр. 300.

(56) См. Новый Лѣтописецъ, изд. кн. Оболенскимъ въ 1853 г. стр. 162.

Руссіи» ([57]). Что касается личныхъ распоряженій въ Астрахани самой Марины, изъ нихъ документально извѣстно слѣдующее: «Маринка жъ къ завтренямъ въ колокола рано благовѣстить и звонить не велѣла, боится приходу (т. е. бунта), а говоритъ она, отъ звону де сынъ полошается» ([58]).

Весною 1614 г. отъ царскихъ воеводъ и изъ самой Москвы — отъ царя, думы и духовенства были разосланы увѣщательныя грамоты къ волжскимъ казакамъ, жителямъ Астрахани, нагайскому князю Иштереку, даже къ самому Заруцкому; и во всѣхъ этихъ грамотахъ Марину называли «еретицею богомерзкія, латынскія вѣры, Люторкою, прежнихъ воровъ женою, отъ которой все зло Россійскому государству учинилось». Да и сама Марина едва ли думала теперь о престолѣ и коронѣ. Увлеченная, единственно, местью русскому правительству, она, благовоспитанная дочь польскаго магната, сказавъ, можетъ быть, себѣ: *танцуй душа безъ кунтуша, ищи пана безъ жупана* ([59])—уже не брезгала сожительствомъ съ простымъ атаманомъ разбойниковъ, и, сопровождая своего Заруцкаго въ

([57]) См. Акты Истор. Т. III.

([58]) Тамъ же, № 248.

([59]) Эту поговорку народная молва приписываетъ изобрѣтенію самой Марины. — См. Русскіе въ своихъ пословицахъ. соч. Снегирева. изд. 1834. Ч. IV, стр. 136.

буйныхъ прогулкахъ его по астраханскимъ окрестностямъ, привыкла быть ежедневною участницею пьяныхъ казацкихъ оргій, но боялась только одного, чтобы не попасть въ испаганскій гаремъ, о чемъ хлопоталъ уже, чрезъ своихъ полномочныхъ, шахъ персидскій, наслышанный о красотѣ полки-прелестницы ([60]).

Однако власть Заруцкаго до того не нравилась жителямъ Астрахани, что, на вербной недѣлѣ 1614 г., они «учинили съ нимъ рознь», вслѣдствіе которой удалились на городской посадъ, оставя Заруцкаго съ 800 чел. въ каменномъ городѣ или Кремлѣ. Тогда, озлобленный мужъ Марины сталъ громить посадъ изъ всѣхъ своихъ пушекъ и громилъ до самаго 12 мая. Въ этотъ день къ Астрахани подошелъ съ передовою царскою дружиною стрѣлецкой голова Вас. Хохловъ, и Заруцкій, на другой же день, вышелъ изъ своей засады, а на третій — спустился внизъ по Волгѣ такъ скрытно, что только казакъ Гришка «изъ камыши посмотрилъ, азжо де ѣдетъ воръ Ивашко Заруцкій съ Маринкою, а съ ними его воры, козаки волскіе и дворовые, и гребутъ арычаномъ вверхъ» ([61]). 1 іюня прибыли въ Астрахань царскіе воеводы, кн. Одоевскій съ

([60]) См. Прогулка по древнему коломенскому уѣзду. Соч. Иванчина-Писарева. изд. 1843, стр. 138.

([61]) См. Акты Истор. Т. III, № 15.

Головинымъ, и тотчасъ же послали преслѣдовать бѣглецовъ, которые тогда были уже на р. Яикѣ (Уралѣ). Стрѣлецкіе головы Пальчиковъ и Онучинъ напали на слѣдъ Заруцкаго съ Маринкою не раньше 11 іюня, а четыре дня спустя въ Астрахань были приведены два ногайца, отъ которыхъ воеводы узнали, что Маринка съ сыномъ и Заруцкимъ стоитъ на Медвѣжьемъ-Островѣ, въ острожкѣ, гдѣ «всѣмъ владѣютъ козаки, атаманъ Треня Усъ съ товарищи, а Ивашкѣ Заруцкому и Маринкѣ ни въ чемъ воли нѣтъ, а Маринки сынъ у козаковъ у Трени Уса съ товарищи» ([62]). Итакъ самая тѣнь власти исчезла уже изъ глазъ честолюбивой Марины, зависѣвшей теперь отъ какого нибудь Треня Уса съ товарищи....

Наконецъ, Одоевскій и Головинъ, не выходившіе изъ Астрахани, получили отъ Пальчикова и Онучина слѣдующее извѣстіе: «Ѣхали мы, государи, Яикомъ двѣ недѣли, и вора Ивашко Заруцкаго и Маринку съ сыномъ и козаковъ доѣхали на Яикѣ, Медвѣжьемъ городкѣ, іюня въ 24 день; и съ ними бились, и въ городкѣ ихъ осадили; и козаки, видя себѣ тѣсноту, добили челомъ и цѣловали государю крестъ іюня въ 25 день; а злоносныхъ враговъ, вора Ивашку Заруцкаго и Маришку и сына ея

([62]) Тамъ же, № 26.

Ивашка вручилъ Богъ въ руцѣ ваши, и ведемъ ихъ къ вамъ въ Астрахань связанныхъ съ собою вмѣстѣ» (63).

Все кончилось для Марины, всѣ мечты ея разлетѣлись прахомъ! 6 іюля 1614 г. вѣнчанная царица Московская прибыла въ Астрахань плѣнницею, а 13 того же мѣсяца отправилась отсюда въ Москву *скованною*, при чемъ стрѣлецкой стражѣ изъ 600 чел., назначенной въ конвой къ Маринѣ съ сыномъ, не считая 230 чел., охранявшихъ Заруцкаго—не только внушалось «ставиться по станомъ усторожливо, чтобъ на нихъ воровскіе люди безвѣстно не пришли», но даже предписывалось, въ случаѣ спльнаго нападенія подобныхъ людей, «Марину съ выблядкомъ и Ивашка Заруцкаго *побити до смерти*, чтобы ихъ воры живыхъ не отняли» (64). Въ Москвѣ Заруцкаго посадили на-колъ; а сына Марины повѣсили. (65)

---

(63) Тамъ же, № 32.

(64) Тамъ же, № 36.

(65) Въ царствованіи Алексѣя Михайловича былъ казненъ въ Москвѣ бродяга, называвшійся сыномъ Марины и перваго Лжедимитрія рожденнымъ, будто бы въ темницѣ, но убіенін самозванца. О другомъ бродягѣ, который назывался Иванъ Дмитріевъ Луба и также имѣлъ притязаніе на происхожденіе отъ Лжедимитрія I и Марины, шла переписка съ Польшею еще при царѣ Михаилѣ, въ 1644 г.

Что касается самой Марины, конецъ ея не совсѣмъ извѣстенъ. Лѣтопись замѣчаетъ коротко, что «Маринка умре на Москвѣ. Въ Коломнѣ существуетъ другое преданіе: мѣстные жители, указывая на одну изъ 16 башенъ древняго городскаго Кремля, стоящую у самаго коломенскаго моста, говорятъ, что именно въ этой башнѣ, до сихъ поръ сохранившей остатки тюрьмы и тайниковъ, была заключена и умерла Марина, — какъ думаютъ въ 1615 г. Наконецъ, польскій историкъ Нѣмцевичъ пишетъ, что Марину снова свезли на Яикъ, гдѣ утопили въ проруби.

Итакъ,—вотъ каково было поприще знаменитой шляхтянки Марины Мнишекъ, достигнувшей въ Россіи вѣнца мономахова, перебывавшей въ теченіе девяти лѣтъ въ объятіяхъ трехъ законныхъ мужей и, вѣроятно, нѣсколькихъ любовниковъ, испытавшей все—отъ трона до кандаловъ и, гремѣвшей извѣстностію отъ Самбора и Кракова до Яика и Испагани! Всматриваясь въ это поприще, нельзя не согласиться съ нашимъ славнымъ Пушкинымъ, что Марина «была самая странная изъ всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, ослѣпленная только одною страстью — честолюбіемъ, но въ степени энергіи, бѣшенства, какую трудно и представить себѣ» (66).

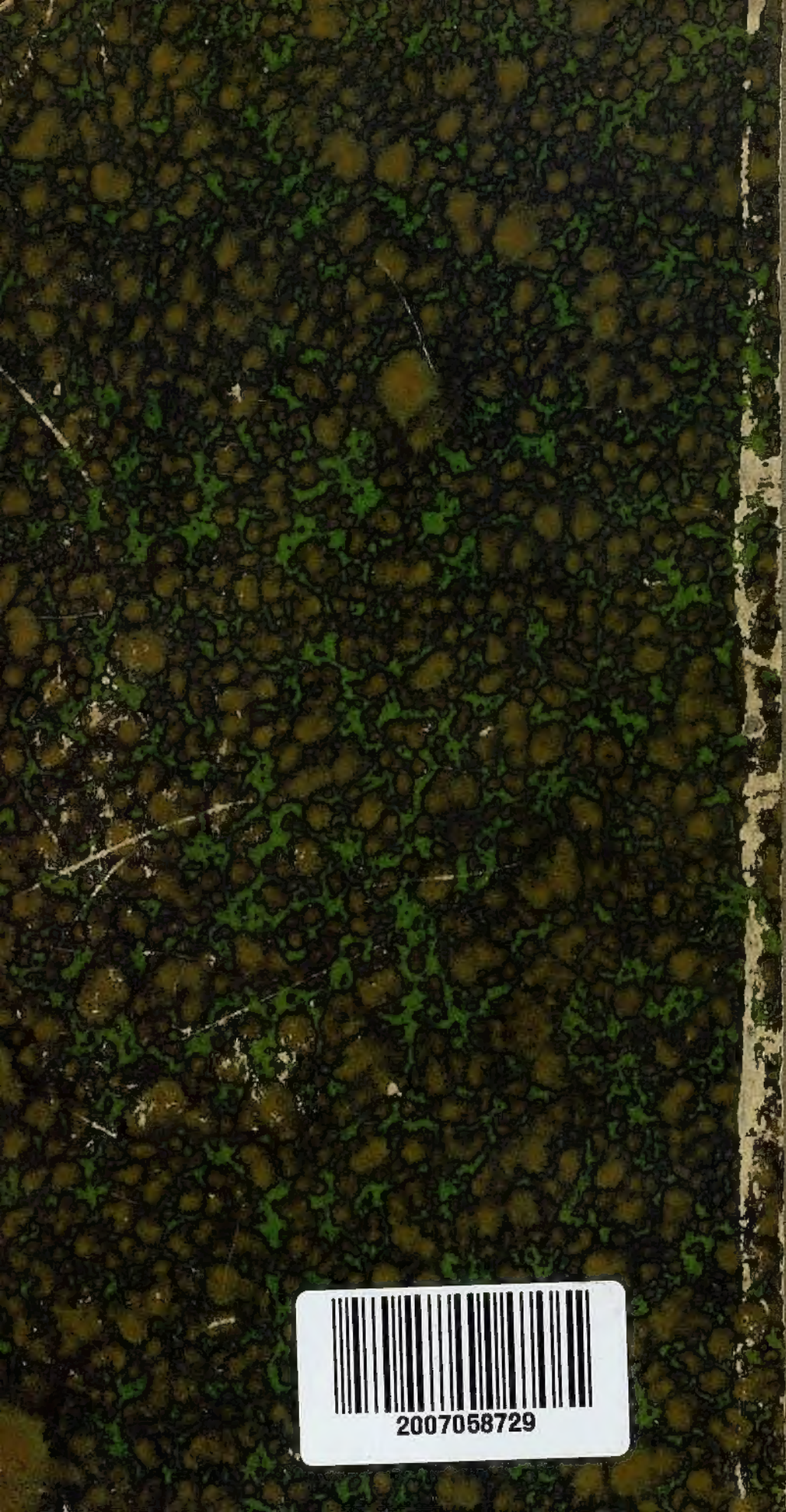
(66) См. Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Анненкова, Т. I, прилож. III, стр. 440.

Народное преданіе тоже не забыло Марину. Но оно превратило ее въ сороку, и въ пѣсняхъ, посвященныхъ воспоминаніямъ о Гришкѣ Разстригѣ, Марина воспѣвается такъ:

А злая его жена, Маринка безбожница,
Сорокою обернулася,
И изъ палатъ она вонъ вылетала.... (67)

---

(67) См. Историческіе очерки Русской народной Словесности и искуства, соч. Буслаева. Изд. 1861 г. Т. I, стр. 540.


2007058729